

ТАЛАНТ МАРЬЯНА КРУШЕЛЬНИЦКОГО

ПРодолжая печатать материалы, посвященные 50-летию Харьковского Академического украинского драматического театра имени Т. Г. Шевченко, мы хотим рассказать нашим читателям о представителях плеяды замечательных мастеров украинского искусства, чья творческая жизнь связана с театром.

Инструмент актера, материал для его творчества — он сам. И при первой встрече казалось, что природа кого-то обманула, наделив Марьяна Крушельницкого небольшим ростом, глуховатым голосом, той, казалось бы на первый взгляд, неяркой внешностью, из которой трудно «вылепить» на сцене индивидуальный человеческий портрет.

И тем удивительней и, пожалуй, непостижимее сила таланта, подарившая украинскому театру такие неповторимые, сочные, глубоко индивидуальные характеры, как поэтический, верный поборник Иван Непокрытый («Дай сердцу волю — заведет в неволю» М. Кропивницкого), исполненный искрометной народной мудрости дьяк Гаврила («Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука), влюбленный в море и революцию боцман Бухта, трагедийный Тевье Молочник, мужественный и храбрый генерал Ватутин и многие, многие другие.

...Это было в 20-летие Великого Октября. В спектакле шевченковцев «Правда» А. Корнейчука на трибуну порывистым шагом поднялся В. И. Ленин. Знакомый поворот головы, порывистый горячий жест, пламенность речи. В исполнении Марьяна

Крушельницкого образ великого вождя революции был не только одним из первых в ленинские украинского советского театра, но и одним из полнокровных, удивительно убедительных сценических воплощений характера Владимира Ильича.

Секрет яркого разнообразия актера Крушельницкого почти непостижим, и тем, кто близко не знал Марьяна Михайловича, кажется непонятен. Но тем, кто хоть раз видел, как во время разговора о театре загорались удивительным сиянием мудрые голубые глаза М. Крушельницкого, какой глубокий, неповторимый тембр открывался в его тихом глуховатом голосе, тот понимал, какой силы эмоциональный огонь его таланта. Именно он вносил в каждый образ живое дыхание человеческого характера.

Но гибкость и трепетность эмоций сочеталась у Марьяна Михайловича с аналитической точностью мышления. Вот почему он умел безжалостно отбросить все лишнее, все то «чужеродное», пусть само по себе и интересное, но лишнее для образа четкого замысла за счет минутного эффекта.

Этот дар, которым владел актер Марьян Крушельницкий, полностью был присущ

и Марьяну Крушельницкому-режиссеру.

Многие годы возглавляя Харьковский театр им. Т. Г. Шевченко, он отточил и оформил его неповторимый стиль, его почерк. Развивая новаторский поиск «Бережия», стремясь к четкости формы и яркой образности режиссерского языка, М. Крушельницкий всегда помнил о главной теме театра — рассказе о народе-борце, о мощи и духовной красоте его и силы духа, и силы чувства.

Эта тема, начатая еще в «Прологе», зазвучала в полный голос в таких великолепных творениях, шевченковцев, как «Богдан Хмельницкий» и «Правда» А. Корнейчука, «Ярослав Мудрый» И. Кочерги и многих других.

Его спектакли звучали, как большой симфонический оркестр, ибо Марьян Михайлович владел безукоризненным чувством ансамбля, прекрасно чувствовал актера. Вот почему у него никогда не «выпадали» из спектакля даже средние исполнители.

Присущи режиссеру М. Крушельницкому интерес и умение мастерски проводить главные темы спектакля через, казалось бы, незначительные подробности и детали. Мне вспоминается Марьян Михайлович, пришедший в студию радиовещания поздним вечером (не мешают ли посторонние шумы записи?) в дни работы над записью в золотой фонд спектакля «Дай сердцу волю

— заведет в неволю». Помню, как он — главный режиссер спектакля, исполнитель ведущей роли в нем, взял скрипку из рук музыканта оркестра и стал искать нужную интонационную выразительность для музыкального сопровождения сцены. И были в этом звучании и радость, и боль, и тоска, и счастье.

Помню, как, работая над образом генерала Ватутина, Ватутин — Крушельницкий накануне освобождения Киева умывался водой из Днепра, как держал эту воду в своих ладонях, переливая сверкающие капли, в которых ему открывался (и нам, зрителям, вместе с ним) освобожденный великий Днепр.

На этой же репетиции произошел такой случай. Студентам театрального института, проходившим здесь режиссерскую практику, режиссер спектакля Л. Дубовик предложил потихоньку суфлировать текст пьесы исполнителям (работа на сцене только начиналась). Всех невольно охватило волнение. Подумать только: «подбрасывать» нужное слово Сердюку, Антоновичу, Крушельницкому! Сразу же произошло недоразумение: увлекшись игрой Марьяна Михайловича, суфлер забыл о своей задаче, а потом, спохватившись, перепутал строчки роли. Марьян Михайлович болезненно сморщился, раздраженно повернул голову в сторону невнятного бормотания.

Зволнованная студентка сбилась еще больше, растерялась, готовая заплакать. И тогда Марьян Михайлович весело и необычайно сердечно расхохотался. «Да оставьте их в покое, Лесь Федорович, — сказал он Дубовику, — ведь это не так-то просто».

В этом, казалось бы, маленьком случае из театральной практики открывался мягкостью и щедростью своей души большой художник и удивительно сердечный человек. Вот эту сердечность и щедрость человеческого сердца искал и открывал в своих сценических творениях, в рассказе о своих современниках актер и режиссер М. Крушельницкий, воплотивший на сцене театра им. Шевченко драматургию А. Корнейчука, такие ее шедевры, как «Налиновая рожа», «В степях Украины».

Сегодня, когда шевченковцы отмечают 50-летие своего творчества, еще и еще раз хочется вспомнить с благодарностью и любовью имя крупнейшего художника украинской сцены, бессмертный вклад его в расцвет родного театра.

Л. ПОПОВА, театровед.